

Никто тогда не усомнился ни в правоте отца, ни в своевременности его «коровьей» инициативы, наоборот, она «получила всеобщую поддержку». Газеты 1958 года пока еще в открытую не славословили отца, но в ближнем кругу соратников повсюду звучал столь привычный в России хор сладкоголосых восхвалителей-подхалимов. Отец все больше становился объектом того, что он сам недавно применительно к Сталину осудил как культ личности. После отставки отца Брежнев и уже с ним обвинял Хрущева в возведении собственного «культа личности» и тут же начнут выстраивать свой.

Я не знаю, кто придумал термин «культ личности». Применительно к политику и политике «культ личности» – термин неудачный, не объясняющий, откуда и как возникла сталинская деспотия. Культ верховного правителя, вернее, его восхваление – ее следствие, а отнюдь не причина. Другое дело культ певца, балерины, поэта. Можно говорить о культе личности оперного баса Федора Шаляпина, лирических теноров Сергея Лемешева, Ивана Козловского, кумиров эстрады Аллы Пугачевой или Майкла Джексона. Тут и неистовое восхищение талантом, и купленные на последние рубли шикарные букеты цветов, и стояние под окнами. Это – настоящий культ личности, культ таланта, возведенного толпой на пьедестал.

Славословие в адрес правителя, им самим или его окружением инициированное, отрепетированное, преследующее абсолютно конкретные «земные» цели вряд ли правомочно называть «культом». Какой это «культ», если на многочисленных митингах и демонстрациях призывы, звучащие из мощных динамиков, сопровождаются громом не спонтанных, а заранее записанных на пленку аплодисментов. Стоящим на площади людям остается только сопроводить их своими, никем не услышанными хлопками в ладоши и выкриками. Во время торжественных заседаний специально рассаженные в зале натренированные хлоपालычики и кричалычики побуждают присутствующих к аплодисментам, вставанию и другим выражениям восторга. Когда надо и сколько надо.

Могут возразить, что и театральные кумиры пользуются подобными приемами, а политические лидеры и сами по себе привлекают к себе толпы людей, жаждущих хоть глазком взглянуть на президента или премьера. Все это так, но «некультовому» певцу или актеру никакие заранее оплаченные «хлоपालычики» не помогут, отхлопают они свое, и дело с концом. Президенты, собирающие толпы на пути следования своих кортежей – скорее объект любопытства, а не восторга.

Естественно, попадают и среди политиков объекты, вызывающие культовое поклонение толпы. Кадры кинохроники запечатлели толпы немцев и итальянцев на площадях Берлина и Рима, заходившихся в иступленной любви к Адольфу Гитлеру или Бенито Муссолини. Их невозможно заподозрить в неискренности. В определенной степени к таким же лидерам относится и Сталин. В определенной степени потому, что, в отличие от Муссолини и Гитлера, Сталин не рисковал, особенно в последние годы, появляться перед большими скоплениями «не проверенных заранее» людей, перед толпой. По своей природе человек трусливый, он толпы боялся. И тем не менее, в народном поклонении Сталину отказать нельзя.

Все они, и Гитлер, и Муссолини, и Сталин – талантливые актеры, тщательно репетировавшие свою роль, свое появление на «публике». Они выверяли каждое слово, каждый жест, каждую паузу, заботясь о том, как «зрители» воспримут их, подчинятся их актерскому таланту. Полюбопытствуйте, сколько времени тратил Сталин, многократно правя перед публикацией в «Правде» свои самые ординарные тосты на банкетах. Можно насчитать до десятка вариантов.

Я уже не говорю о серьезных выступлениях, тут составлялись полновесные сценарии явления вождя народу. Политические лидеры такого типа своими повадками и приемами не отличаются от кумиров сцены. Не отличаются и, одновременно, очень даже отличаются. В отличие от обычных актеров, актеры-властители не полагаются на переменчивую симпатию толпы, они тщательно следят за своими зрителями, «выпалывают» из их рядов не только недовольных, но и не проявляющих надлежащего энтузиазма. Их «культ личности» зиждется не только на поклонении, но и на страхе, который со временем преобразуется в еще более истовое рабское преклонение. Только по достижении гармонии «винтика и мастера с отверткой в руке», раба с хозяином, когда рабство более не тяжелая ноша, а хозяин олицетворяет собой «божество», можно говорить о «культе личности» политика.

Говорить же о культе личности политика, превозносимого его собственным «ближним» окружением, восхваляемого его собственной печатью и одновременно героя сочиняемых народом анекдотов, – несерьезно. Анекдот, не влекущий за собой неотвратимого и жестокого наказания, делает культ такой личности невозможным. Анекдот без наказания – это первый шаг к освобождению, если хотите, к демократии. А демократия и культ личности несовместимы, как несовместимы гений и злодейство.

Так что в Советском Союзе XX съезд партии на самом деле покончил с культом личности. С культом-то покончили, но режим оставался по своей сути старым: авторитарно-монархическим с присущим ему ритуальным восхвалением и власти, и властителя.